

Утро следующего дня выдалось ясным: на бледном небе, где словно будущие невзгоды последними холодными вспышками мерцали звезды, еще только распускалось солнечное зарево, когда наложница Чжоу покинула свой двор. Она облачилась в коричневую юбку с вышивкой из полевых трав по подолу, а изящные руки спрятала в теплую муфту из лисьего меха. Пусть женщина старалась держать лицо и ни одной чертой не показывать радости, что поселилась в ее душе, невольно теплая улыбка коснулась подведенных киноварью губ, когда наложница Чжоу приблизилась к павильону матушки Сяоху. В начале слуги хотели, как обычно, поприветствовать наложницу Чжоу и не пустить внутрь, но неожиданно сама матушка Сяоху распорядилась позвать ее. Пусть женщины все еще искренне недолюбливали друг друга, наложница Чжоу многое сделала для поместья и не отблагодарить ее было бы грубо. Дверь в павильон матушки Сяоху от утренней свежести протяжно заскрипела, закрываясь за наложницей.

Через время выкрашенные в красный цвет створки распахнулись и из них спешно выбежала одна из младших служанок старой госпожи. Не оглядываясь, девочка бросилась в западную половину поместья. Ветер быстро окрасил алым ее щеки и разметал, словно осеннюю паутину, пряди волос: когда девочка вбежала на кухню, было похоже, что за ней гналась стая собак. Слуги, что в этот момент были там, встревожились.

Блестящими от волнения глазами девочка оглядела толпу, окружившую ее, и, выпевив нужный силуэт, воскликнула:

— Сестрица Мэйцзи, сестрица Мэйцзи!

Мэйцзи не любила других слуг. Те, кто приставлен был к старой госпоже, часто вели себя высокомерно, пусть настоящим хозяином поместья и оставался Фэн Жун. Однако и проигнорировать девочку она не могла.

— Чего тебе? — не спеша приближаться, спросила Мэйцзи. Надо сказать, что нелюбовь у слуг старой госпожи и молодого хозяина была взаимной, потому, вместо того, чтобы тихо передать поручение, девочка выкрикнула, порождая во всем поместье самые разные слухи:

— Старая госпожа зовет молодого господина к себе сейчас же! Утром ей пожаловалась на него наложница Чжоу и теперь старая госпожа в ярости!

Все на кухнях замерли: кто же не знал, что молодой хозяин для старой госпожи любимый внук? Что же он натворил такого, чтобы матушка Сяоху на него прогневалась? Ослушался ее приказа? Не был почтителен с Великим хоу вчера? Пошли по поместью, подобно ветвистым узорам морозного инея, и совсем странные разговоры: если так подумать, наложница Чжоу была еще хороша, а Фэн Жун — молодой страстный юноша, который не имеет ни жены, ни наложниц, так мог ли он?..

Фэн Жун едва успел облачиться и подвязать волосы, когда Мэйцзи сообщила ему о недовольстве матушки Сяоху. Юноша планировал позавтракать и отправляться на заседание к Императору, но, отложив палочки, решил, что тревоги бабушки важнее. Кроме того, ему интересно было, чем наложница Чжоу смогла задурить голову старой женщине.

— Вдруг она узнала о господине Ли? — тихо спросил Куань, идущий с Фэн Жуном рядом.

— Откуда бы ей? — махнул тот рукой. — Наверняка они вновь заговорили о женитьбе или глупых слухах, которые ходят по столице. Бабушка слишком впечатлительна.

— Та девка, что прислали за вами, была вся включена, — заметила Мэйцзи. — Ох, господин,

боюсь дело не такое простое...

— Вы оба слишком переживаете, — отвечал Фэн Жун. Вчера ему пришлось бояться Пань Таня, из-за чего он не смог даже по душам переговорить с сестрой, а сегодня требовалось спешить к Императору и в министерство: даже если бы и были какие-то проблемы дома, у Фэн Жуна совершенно не было времени их решать. Так он думал, пока матушка Сяоху, увидав его издали, не воскликнула:

— Бесстыдник! — кормилицы и мамки рядом качали головами, закрывая рты краями расшитых рукавов. По правую руку от матушки Сяоху сидела наложница Чжоу, выглядящая кротко и смиренно: сама же старая госпожа едва не плевалась кровью от ярости. — Господин мой и представить себе не мог, что народятся такие скоты! Что ты себе позволяешь?!

Фэн Жун не знал, в чем провинился, но на всякий случай опустил перед бабушкой на колени и грозно взглянул на женщин у ее кресла: кормилицы тут же пугливо разбежались, а рядом остались только самые доверенные слуги. Наложница Чжоу на Фэн Жуна взгляда не поднимала, и юноша знал, что она должна была что-то наговорить.

— Бабушка, это внук не понимает, чем вы расстроены, — послушно, но мрачно сказал Фэн Жун. В душе он судорожно перебирал причины гнева старой госпожи, но, наученный опытом при дворе, не спешил оправдываться, пока не расскажут о его вине.

Матушка Сяоху же, распаленная, не спешила утешать его любопытство.

— Не совестно тебе? — вопрошала она. — Выростила же я замечательного внука! Будь жив твой дед, твой отец — как бы я смотрела им в глаза?! Даже сын укорял бы меня за такого потомка!

— Бабушка, не говорите так, — просил Фэн Жун. — Расскажите, что случилось?

— Мне тебе отвечать? — возмутилась матушка Сяоху. — Стал чиновником и думаешь, что все тебе с рук должно сходить? Слова тебе против не скажешь, все шутишь и отмахиваешься, а вот, как оно вышло! Рассказывай, кто живет в павильоне рядом с тобой?!

Сердце в груди Фэн Жуна вздрогнуло. Если знает матушка Сяоху — могут ли знать другие в поместье? Если эта новость разлетится, то обязательно однажды станет известна и Пань Таню, а там...

Видя, что Фэн Жун лишь хмурится и не отвечает, матушка Сяоху схватила за грудь:

— Что же это происходит? Что я сделала не так, чтобы заслужить такой позор? Сначала мой сын спутался со служанкой, потом внук тайно приволок в дом человека и — подумать только, — мужчину! Неужели пример отца ничему тебя не научил?!

Однако Фэн Жун, пусть и был взволнован руганью, куда более переживал не о своем добром имени, а о будущем семьи: подняв взгляд на наложницу Чжоу, он строго спросил:

— Вы рассказали бабушке? Что вам еще известно?

— Ты на нее-то не кричи! — вступилась матушка Сяоху. — Она все же жена твоего отца и тебе приходится старшей родственницей! Хочешь оправдаться — так мне скажи!

— Мне не за что оправдываться, — хмуро ответил Фэн Жун. — Вы и сами уже за меня все

решили, даже не выслушав. Наслушались клеветы от этой женщины, и родному внуку не даете сказать слово против. Где тут справедливость?

— Как выучился при дворе-то говорить! Только что красивые слова, если доказательства тут же? Давай, девочка, — матушка Сяоху вдруг махнула рукой служанке, что стояла рядом с наложницей Чжоу. — Повтори то, что рассказывала мне!

Сижэнь тут же выпрямилась и сжала в руках подол своего платья: она всегда считала молодого хозяина добродушным человеком, но сейчас он глядел на нее внимательно и сурово, словно темный провал дальней двери в безлунную ночь. Кто знал, что скрывалось за этим взглядом. Девушка, однако, быстро смогла совладать с голосом:

— Вчерашнего дня эта служанка отправилась в Сад орхидей, чтобы отдать господину бумаги о подготовке к приему старшей барышни, — сдержанно сказала она. — По дороге эта служанка услышала голоса в Саду камелии: она решила, что молодой господин там, говорит с лекарем Линем...

— Даже лекаря вызвал без моего ведома! — прервала рассказ матушка Сяоху. — Для чего же он тебе там нужен? Ах, стыд какой на мою старую голову!

— ...эта служанка решила заглянуть, чтобы отдать молодому господину бумаги, — продолжила говорить Сижэнь. — Однако вместо него увидела там молодого человека по фамилии Ли и нескольких слуг. Их тревожить эта служанка не решилась, потому ушла...

— А фамилия, наверное, на лбу у него была написана? — сурово спросил Фэн Жун, не отрывая от Сижэнь взгляда. — Иначе как бы ты ее узнала? И чего это господин Ли, интересно, не услышал стука в ворота? Не от того ли, что ты проскользнула внутрь тайно и подслушивала за ним?

— Г-господин... — опустив глаза, попыталась было оправдаться Сижэнь, но за нее вступилась матушка Сяоху:

— К чему ты пугаешь девочку? Со мной говори, если есть что сказать! Подумать только, приволок неизвестно кого в дом, поселил рядом, а теперь каждый кроме виноват! Неужели наш род ничего для тебя не значит? Так ты пытаешься прославить фамилию предков?!

Пока матушка Сяоху горячилась и сыпала оскорблениями, Фэн Жуну в миг стало понятно произошедшее. В душе он корил себя за неосторожность, а взгляд его невольно обращался к окну, за которым стало золотить внутренний двор встающее солнце. Пора было выдвигаться ко двору Императора. Стиснув кулаки, Фэн Жун сказал так:

— Вы, бабушка, все не так поняли, но спорить с вами у меня сейчас времени нет — пора ехать на службу. В стране важен порядок, а начинается он с дома: потому мне горько смотреть на то, как наложница Чжоу пытается очернить этого внука в ваших глазах, а вы ей верите. Когда я вернусь, то все вам объясню, если захотите выслушать, а пока хочу лишь предостеречь никого кроме не рассказывать об этой истории.

Закончив, Фэн Жун поднялся и покинул павильон, не слушая больше криков и упреков. Уезжал он из дома без страха: пусть матушка Сяоху легко выходила из себя, при чужих она старательно поддерживала праведный образ и репутацию семьи Фэн, потому за стены поместья не позволила бы выйти нелцеприятным слухам. У ворот Фэн Жун сказал Мэйцзи:

— Расскажи о произошедшем господину Ли и чутко следи за павильоном. Посторонних никого

не пускать.

Служанка, что чувствовала теперь часть своей вины, послушно затрясла головой.

Фэн Жун, на самом деле, не злился на слуг: он и сам в какой-то момент к нахождению Ли Инчуня рядом стал относиться беспечно. Из-за того вчера его чуть не увидел Пань Тань, а сегодня о нем узнала бабушка. В последнее время многие вещи отвлекали внимание Фэн Жуна, потому он не продвинулся и на шаг к разгадке личности господина Ли и связи его с Цзянняньским хоу — но юношу надо было продолжать прятать. Невольно Фэн Жун задумался, не делает ли он этим хуже. Ведь, возможно, оставь он Ли Инчуня в павильоне Цветения, и не было бы волнений ни вчера, ни сегодня.

Об этом, судьбе своего гостя и собственных делах, Фэн Жун думал все собрание, невольно многие темы, о которых говорили министры, пропустив. Каждый заметил, что сегодня господин Фэн неожиданно молчалив и мрачен, но многие списывали это на вчерашний визит Пань Таня, о котором было известно всей столице: каждый знал, что муж Фэн Сяолин и ее родной брат недолюбливают друг друга, потому вполне могли поссориться. Сам Цзянняньский хоу выглядел сегодня так же, как и обычно, может даже чуть радостнее — легко было понять, кто в возможном противостоянии вышел победителем.

После собрания Фэн Жуна нагнал Пятый принц:

— Молодой господин, куда торопишься? — с улыбкой спросил он. Фэн Жун отмахнулся:

— В Императорский сад: домой возвращаться пока не хочется.

Фу Ичжэнь невольно задумался: живи у него дома кто-то, подобный Ли Инчуню, он тоже не торопился бы возвращаться. Однако быстро внимательным взглядом Пятый принц заметил суровость в выражении Фэн Жуна. Голос его стал серьезным:

— Что-то случилось? Выглядишь паршиво.

Фэн Жун поднял на принца взгляд: тот появлялся на приемах у Императора редко, но в эти моменты истово будто желал показать свое положение. Пусть он оставался декоративным принцем, Фу Ичжэнь облачился в золотое ханьфу с вышивкой на плечах и бронзовые наручи тонкой работы. Волосы его венчала простая, но изящная корона, а на груди было изображение свернувшегося клубком дракона: точно никто не спутал бы Пятого принца с иным богатым человеком. Фэн Жун прикинул, что, если расскажет о случившемся сейчас ему, Фу Ичжэнь примется ругаться и острить. Слушать его юноше совсем не хотелось, потому он отмахнулся:

— Ничего срочного, позже расскажу.

Пятый принц с подозрением взглянул на Фэн Жуна, словно почувствовал, что дело на самом деле стоящее, но позволил ему на время отступить. На самом деле, ему тоже было, что рассказать.

Однако прежде, чем Фу Ичжэнь успел начать, на другом конце прямой дорожки показалась небольшая процессия, возглавляемая женщиной в роскошных одеждах. Ярко-желтое ханьфу с узорами из гроздьев винограда словно последний палый лист выделялось на фоне бурого сада, а плечи укрывала короткая накидка на темном меху. Ее волосы от висков собирались тонкими косами, напоминающими хлесткие плети, и на затылке забраны были в пучок, заколотый шпилькой с поющим фениксом. Несколько перьев чудесной птицы к концу шпильки крепились тонкими серебряными нитями, издали почти незаметными, потому казалось, словно рядом с

лицом женщины плывут коралловые жемчужины, подчеркивающие алые губы и яркость взгляда.

Этой ночью вновь шел снег, потому, пусть серые дорожки были расчищены, между кустов растений, не лишившихся еще последних бурых листьев, и тонких стволов деревьев, рассыпалась мелкая белая крупа: на ее фоне фигура Первой принцессы казалась столь же изящной, сколь одинокой. Чуть поодаль от Фу Айминь ступали, низко опустив головы, служанки, а рядом с ней, отставая на шаг, следовал слуга-сяньбиец, которого Фэн Жун уже видел раньше. Пусть Первая принцесса облачена была в мирскую одежду, щеки ее покраснелись от холода, а подол одежд промочил тающий снег, на миг Фэн Жуну показалось, будто образ ее обладает возвышенной аурой, присущей лишь небожительницам.

Чудесное наваждение прервал раздавшийся рядом голос Фу Ичжэня. Выступив на несколько шагов вперед, он сложил руки у груди и поклонился:

— Дорогая сестра.

Фэн Жун поспешил также отдать приличествующие приветствия. Первая принцесса неспешно приблизилась и улыбнулась, взглянув на младшего брата:

— Собрание у Его Величества уже окончилось? Я надеялась никого не встретить на прогулке, потому специально выбирала время, когда чиновники разойдутся, но вышло... — женщина взглянула на Фэн Жуна, который под ее взглядом невольно выпрямил спину. Ростом Фу Айминь была с юношу, но отчего-то ее легкий образ казался подавляющим и в душе будил странное томление. — ...даже интереснее. Господин Фэн, я как раз хотела с вами переговорить.

— Со мной? — удивился Фэн Жун и невольно бросил растерянный взгляд на Пятого принца. Тот, однако, не успел ничего сказать:

— Да: вас что же, это отвращает? — со слабой полуулыбкой спросила Фу Айминь. — Эта принцесса не хотела показаться навязчивой...

— Нет-нет, я просто удивился интересу Вашего Высочества... — пробормотал Фэн Жун и тут же твердым голосом продолжил. — Для меня честью будет сопроводить вас.

— Славно, — коротко кивнула Первая принцесса. Тут же она бросила взгляд на Фу Ичжэня: — Загляни ко мне вечером, если будет время, — сказала она, махнув Пятому принцу рукой, словно его отсылая.

К этому Фэн Жун совсем не был готов. Одно дело — разговаривать с Первой принцессой в присутствии Фу Ичжэня, который хоть и был извечно в спорах на ее стороне, но поддерживал одним своим присутствием, а другое вдруг оказаться наедине. Фу Айминь росла во дворце подле своего отца и была куда умелее и хитрее многих придворных чиновников. Пусть Фэн Жун и себя не записывал в безнадежные глупцы, он робел от мысли, что на самом деле не может ничего этой женщине противопоставить.

Впрочем, испуганные мысли в его душе быстро сменились безразличными — в последние дни случилось слишком много всего, чтобы переживать сейчас из-за мелочей. Если так прикинуть, у Первой принцессы не было причин не любить Фэн Жуна или как-то пытаться ему навредить, потому разговор с ней не должен был быть труден. Решив так, юноша вздохнул и вернул на лицо благородное выражение, которое он неизменно использовал в зале императорских собраний.

Пятый принц удалился, а Фу Айминь и Фэн Жун неспешно последовали глубже в сад, молча рассматривая его красоты. Отставая от принцессы на шаг ступал ее телохранитель, за Фэн Жуном тем же образом шел Куань, тихий и сосредоточенный. Между юношей и Первой принцессой на широкой дорожке было достаточно места, чтобы поместилось еще два человека, но отчего-то Фэн Жун чувствовал, как тыльную сторону его ладони, обращенную к принцессе, обжигает жар ее кожи. Вскоре это бесстыдное ощущение прервал голос Фу Айминь.

— Я часто гуляю в этом саду в подобное время, но впервые встречаю тут молодого господина, — сказала она, не отрывая взгляд от дерева гинкго. Оно росло у выкрашенной белым стены, рядом с летней беседкой, и листья его на фоне раннего снега казались пламенными искрами, упорно горящими на белоснежном ложе. Словно угольки, что сжигают нежный шелк, в иных местах рядом с ними образовывались проталины, где виднелась темная земля.

— Сады Его Величества прекрасны, в любой сезон ими приятно любоваться, — ответил Фэн Жун. — Ваше Высочество, что каждый день ходит сюда, должно быть, понимает это лучше всех прочих.

— Это так, — согласилась Фу Айминь. — Зимой павильоны и беседки укрывает снег, весной цветут персики и вишни, летом на скатах крыш словно нефрит сияет мох и плещутся в ручьях карпы, а осенью, будто бронзовые монеты, с ветвей осыпаются листья. Каждый сезон по своему чудесен, и предки, что обустроили этот сад, знали это не хуже нашего: весь он построен таким образом, чтобы всегда здесь было красиво и тихо.

— В самом деле, — ответил Фэн Жун, прислушиваясь и невольно прикрывая глаза. Отсюда не слышен был гомон слуг и крики города, лишь тихая песня ветра и глухой стук каблуков идущей рядом Первой принцессы. В поместье Фэн юноша привык к переливчатым крикам майн, едва уловимому звону колокольчиков на скате крыш Сада камелии, топоту служанок, спешащих с поручениями старшей госпожи или наложницы Чжоу мимо павильона Фэн Жуна. Неожиданно в императорском дворце, месте, где круглый год бурлили подземные течения и внутренние дела были куда более запутанными, слышен остался лишь медленно падающий снег.

— Господин Фэн выглядит обеспокоенным, — через время сказала Фу Айминь. — Служба императору важна, но поберегите себя от лишних тревог.

Фэн Жун знал, что она хотела сказать: невольно Фу Ичжэнь оказался впутан в дела поместья Фэн и Первая принцесса желала убедиться, что никакой опасности для него в этом нет. Юноша понимал ее беспокойство: он сам готов был часами расспрашивать Фэн Сяолин, только чтобы увериться, что с ней все в порядке — однако теперь у него совсем не было сил, чтобы сказать об этом в красивых метафорах.

— Мое беспокойство не связано со службой, это семейные дела, — прямо сказал Фэн Жун, отведя глаза. Когда он не смотрел на Первую принцессу, то казалось, что признается он вовсе не ей. — Пусть это некоторым образом связано с беспокойством Вашего Высочества, ситуация не стоит тревог: я со всем разберусь.

Фу Айминь молчала и через время Фэн Жун сам посмотрел на нее. Лицо девушки, обращенное к темному зеркалу пруда, было спокойным, словно ни одна тревога не могла коснуться ее сердца. Отчего-то Фэн Жун подумал, что это не сад в своей умиротворенной тишине его успокаивает, а спокойный нрав этой женщины. Вскоре она вдруг вскинулась, словно только теперь вспомнила.

— Господин Фэн, я ведь не представляла вам своего слугу? — спросила Первая принцесса. Фэн Жун покачал головой:

— Нет, Ваше Высочество.

— На самом деле, он происходит из того же племени, что и моя мать, и знаем мы друг друга с детства, — Фу Айминь обернулась к сянбийцу, что замер за ее спиной. — Его зовут Яо Хуэй, он является по праву моим доверенным.

Мужчина вежливо склонил голову в знак приветствия и Фэн Жун кивнул.

— Это слуга рад знакомству с молодым господином, — сказал Яо Хуэй. Он был на голову выше Фэн Жуна, потому, говоря с ним, обращал взгляд вниз: оттого казалось, будто губы мужчины трогает едва уловимая снисходительная улыбка. Голос его был низким и тихим, но, не оцарапанный степными ветрами, по сравнению с другими наемниками казался неожиданно мелодичным. — О вас много говорят в столице и императорском дворце.

— В самом деле? — изогнул бровь Фэн Жун. — И что же говорят?

— Рассказывают, что молодой господин знает свою племянницу лучше, чем ее родной отец, — опустил ресницы, чтобы скрыть выражение глаз, ответил Яо Хуэй. Фэн Жун от его слов одновременно почувствовал и раздражение, и удовлетворение.

— Чэнхуа прекрасна, словно цветы персика на склонах Кунлунь, и невероятно сообразительна, — гордо сказал он. Первая принцесса со смехом уточнила:

— Как такое может быть? Ей ведь всего три месяца.

Фэн Жун отмахнулся:

— Ваше Высочество так говорит, лишь потому что ее не видела: одного взгляда достаточно, чтобы понять — Чэнхуа ждет потрясающее будущее. Она переняла красоту своей матери и таланты нашего деда, потому в будущем все юноши столицы выстроятся в ряд, лишь бы взглянуть на нее!

Говорил Фэн Жун искренне и горячо: как он восхищался и любил свою старшую сестру, так безмерно обожал ее дочь. Пусть дела не давали ему возможности проводить с ними обеими много времени, одними из самых теплых воспоминаний в душе юноши были те, где красное детское личико из кокона теплых одеял при взгляде на него морщилось в беззубой улыбке. Эта девочка приходилась ему племянницей, но Фэн Жун иногда думал, что по одному бы ее желанию назвался и отцом, и братом, лишь бы обеспечить для маленькой Чэнхуа счастье и процветание.

Родители относились к девочке куда холоднее. Конечно, они тоже ее любили, но не готовы были выложить перед детской кроваткой свои душу и сердце, лишь бы обеспечить благополучие Чэнхуа. Сяолин относилась к дочке чуть отстраненно, как ко всем прочим обязанностям жены и, иногда казалось Фэн Жуну, куда больше радовалась бы мальчику. Мысли Пань Таня для юноши вовсе теперь были тайной. Фэн Жун и сам не мог сказать, откуда у него столько нежности и любви к племяннице, но то, что это заметили даже за пределами семьи, неожиданно молодому человеку польстило.

Первая принцесса, должно быть, уловила выражение довольства на лице Фэн Жуна, потому тихо хихикнула. Очень скоро, однако, как меняется погода на побережье, настроение юноши

сменилось, и меж его тонких бровей от беспокойства залегла складка.

— Ваше Высочество знает о делах Пань Таня, — сказал он. — Думая об этом... я волнуюсь, как бы это не обернулось злом для Чэнхуа.

— Она его дочь, но так же ваша родственница, — сказала Фу Айминь. — Если кто-то захочет обидеть ее или госпожу Фэн, разве сделает он это мимо вас?

— Конечно нет, — горячо заверил Фэн Жун. Ни сестру, ни племянницу он никогда не дал бы в обиду, даже если бы для этого ему, поправ все правила, пришлось бы забрать их обеих из дома мужа.

— Именно, — с улыбкой сказала Первая принцесса. Она шла рядом с Фэн Жуном, гордо подняв голову, размеренно наблюдая за садом: казалось, холод поздней осени не задевает ее души, потому от спокойных слов девушки и беспокойство Фэн Жуна затихало, словно уставший рвать листья с деревьев ветер. — Вот что я вам скажу, господин Фэн: постоянно вокруг нас происходят многие вещи. Тревоги были у вас ранее, есть сейчас, и появятся опять, когда вы решите сегодняшние дела. Сложности теперь могут казаться вам непреодолимыми, а последствия собственных ошибок — чудовищными, но пройдет время и старые беспокойства забудутся. Есть ведь вокруг и радостные моменты, пусть даже самые незначительные и короткие, — посмотрев на Фэн Жуна, Фу Айминь улыбнулась: он, внимательно следивший за девушкой, от этого выражения вдруг почувствовал себя смущенным и поспешил отвести взгляд. — Я лишь хочу сказать, что пытайтесь изо всех сил найти лучший вариант, пробуйте и ошибайтесь — но не беспокойтесь об этом слишком много.

— Ваше Высочество говорит очень складно, — немного помолчав, сказал Фэн Жун.

— Это так, — ответила Первая принцесса. — Я живу во дворце, потому каждый день вижу самые разные трагедии, где люди считают, что жизнь их отныне больше никогда не будет прежней. Однако, следующим утром они приходят на собрания к Императору.

— А у Вашего Высочества много свободного времени, — протянул Фэн Жун прежде, чем о смысле сказанного подумал. Он мог позволить себе болтать глупости дома, но в императорском дворце размышлял обычно о каждом слове и жесте, потому теперь на мгновение ошарашенно замер. На лице Первой принцессы тоже отразилось удивление — раньше так открыто никто ей подобного не говорил. В следующее мгновение Фу Айминь рассмеялась:

— Так и есть, молодой господин полностью прав! О чем говорить, если я выбираю каждый день время для своей прогулки? — девушка рукавом прикрывала рот, стараясь скрыть смех: из-за полога желтой ткани глаза ее казались особенно яркими. — День за днем я только читаю и вожусь с птицами. К слову, молодой господин, в прошлую нашу встречу вы упомянули, что и в поместье Фэн живут птицы. Расскажите о них этой принцессе?

В душе Фэн Жуна за несколько мгновений будто наступили лютые морозы, налетел ледяной ветер, а затем лаской чужой улыбки настала весна. Он быстро ухватился за тему, что ему тоже была интересна.

— Ваше Высочество верно запомнила! — воскликнул он. — На самом деле, я хотел просить у вас помощи: мои майны выглядят точь-в-точь, как ваши, но говорить даже и не пытаются. Может, вы дадите мне несколько советов?..

Маленький театр:



Фу Ичжэнь: Должен ли я испытывать неловкость от того, что оставил Фэн Жуна сестре на растерзание? Он, конечно, идиот, но это как-то...

Тем временем оставленный на растерзание Фэн Жун: Ваше Высочество, вы так любезны~

Первая принцесса: Нет, это вы любезны~

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1706475>